

Секция «44.21 Правовая информатика, информационное и цифровое право»

Правовая природа цифровой валюты

Научный руководитель – Вайпан Виктор Алексеевич

Симонов Даниил Павлович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра предпринимательского права, Москва, Россия

E-mail: mand4rin10@yandex.ru

Правовая природа цифровой валюты — одна из тех тем, которые еще недавно рассматривались учеными как очередной феномен шестой информационной революции, как вызов *new normal* («новой реальности») [2]. Сегодня цифровая валюта все в меньшей степени определяется как проявление «новой реальности» и все более интенсивно интегрируется в существующую правовую и экономическую действительность. Данному процессу способствовал ряд общеизвестных факторов. В России признание значимости данного явления законодателем было ознаменовано появлением нормативного регулирования цифровой валюты, ярким примером которого на рубеже второй декады XXI столетия стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 259-ФЗ).

Правовой режим цифровой валюты продолжает развиваться не только в отечественном законодательстве, но и в зарубежных правовых системах, о чем свидетельствуют разработка и принятие различных нормативных актов, предметом регулирования которых выступает цифровая валюта: *Anti-CBDC Surveillance State Act*, *CLARITY Act*, закон о регулировании стейблкоинов *GENIUS Act* в США, *Property (Digital Assets etc) Act* в Великобритании, «Закон о виртуальных активах» в Туркменистане, вступивший в законную силу 1 января 2026 года, и многие другие.

При этом правовое регулирование данной сферы в России нельзя признать полностью сформированным. Даже после принятия Закона № 259-ФЗ правовой режим цифровой валюты остается неоднозначным и в определенной мере противоречивым: с одной стороны, законодатель *expressis verbis* признает цифровую валюту имуществом для целей ряда федеральных законов; с другой стороны, в силу технической специфики и динамичного развития данного феномена законодательство не содержит ее универсальной юридической квалификации применительно к иным правоотношениям, помимо прямо указанных в законе. Подобный избирательный подход к законодательному регулированию создает сложности прежде всего для правоприменителя, который сталкивается с проявлениями цифровой валюты на практике. На данные обстоятельства обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации, отметив, что «формирование правового режима цифровой валюты в действующем правовом регулировании остается в ряде аспектов незавершенным».

Для целей Налогового кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации (в соответствии с Федеральным законом от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») и ряда иных федеральных законов цифровая валюта отнесена к имуществу.

Профессор Е.А. Суханов рассматривает цифровые права исключительно как юрисконструктивный феномен. По его мнению, «цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных

прав... предусмотренное законом закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования)» [1, с. 23-24]. С этой точки зрения, цифровая валюта не создает нового объекта права, а представляет собой лишь современный способ фиксации традиционных прав требований.

Важно отметить, что по своей сущности цифровая валюта не может быть удовлетворительно квалифицирована в рамках существующих правовых категорий: она не является вещью и, соответственно, имуществом в традиционном понимании ввиду отсутствия телесности; не является правом требования, поскольку ее существование не зависит от наличия корреспондирующего обязательства со стороны какого-либо лица; не может быть отнесена к объектам интеллектуальной собственности, поскольку их правовая охрана направлена на защиту неконкурентных благ, тогда как токены по своей природе конкурентны; не является деньгами ввиду отсутствия статуса законного платежного средства.

Следовательно, надлежащее правовое регулирование цифровой валюты невозможно без переосмысления фундаментальных категорий права. *De lege ferenda* вещь должна пониматься функционально — через критерии конкурентности, отграниченности и контролируемости, но не через физическую осязаемость. Требование телесности отражает не сущностную характеристику объектов вещного права, а исторически обусловленный способ обеспечения фактического господства. В цифровую эпоху криптографический контроль обеспечивает исключительность не менее эффективно, чем традиционное фактическое владение.

Источники и литература

- 1) Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе "цифрового имущества" // Вестник гражданского права, 2021, N 6.
- 2) Черногор Н. Н., Кашеварова Ю. Н., Головина А. А., Стратюк А. А. Правоприменение в фокусе становления электронного государства: вызовы "новой реальности" // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №4 (59).